

Ю.С. Фираго (Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы)

НЕПОКОРЁННЫЙ ГОРОД (О «БЛОКАДНОЙ КНИГЕ» А. АДАМОВИЧА, Д. ГРАНИНА)

В «Блокадной книге» А. Адамович и Д. Гранин жизнь Ленинграда и его населения условно поделили на два периода: 1941–1942 гг. и 1943–1944 гг. (временной); весна, зима (сезонный). Однако не на временном аспекте, хотя оно, бесспорно, важно, А. Адамович и Д. Гранин акцентируют своё внимание. В книге представлено морально-психологическое напряжение жителей города, где точка отсчёта трагедии определялась не первым днём войны, а общей человеческой драмой. Авторы представляют пути преодоления насилия и жестоких издевательств фашистов над жителями непокорённого Ленинграда, где их главным оружием в борьбе с оккупантами было огромное желание жить в независимой, непокорённой стране. Целью А. Адамовича и Д. Гранина был показ борьбы человека с его внутренними страхами, с обстоятельствами, на исход которых влияла помощь и поддержка всего Советского Союза.

«Мы изучали не исторические документы, мы вслушивались в рассказы живых людей... Мы выясняли не историческую картину, а скорее состояние людей того времени» [1, с. 368].

Представленные А. Адамовичем и Д. Граниным истории жизнью блокадников олицетворяют судьбу не только Ленинграда и его жителей, но и всего Советского Союза периода фашистской оккупации.

«Блокадную книгу» можно назвать «суммой исповедей», в основе которой лежит факт, пропущенный через душу и сердце каждого реального человека, что позволяет увидеть правдивый мир войны. Некоторые свидетельства ленинградцев (в частности случаи людоедства) А. Адамович и Д. Гранин всё же не смогли опубликовать на страницах своей книги, поскольку хотели сохранить человеческое достоинство блокадников и героизм, проявленный ими во время сражения с врагом. Будни блокадного быта впечатляюще передают напряжение каждодневного подвига, пропущенное ленинградцами через собственное Я.

Вот что рассказывает один из жителей блокадного города Евгений Сергеевич Ляпин:

«Тогда мы ещё о голоде не знали, не думали совершенно. Снабжение по карточкам было хорошее: хлеба давали столько, что съесть его было совершенно невозможно (шестьсот или восемьсот граммов – кто из ленинградцев съедал столько хлеба за один день?). Так что эта сторона оставалась без внимания» [1, с. 368].

Не желая принимать ситуацию, народ твердо верил, что враг отступит и жизнь потечёт своим чередом. С каждым днём, однако, ситуация ухудшалась: ежедневные артобстрелы свидетельствовали о надвигавшейся на город катастрофе. А. Адамович и Д. Гранин зафиксировали некоторые сведения секретной директивы Гитлера 1-а 1601/41 немецкого военно-морского штаба «О будущности города Петербурга» от 22 сентября 1941 года, в которой со всей определённостью говорилось:

«...после поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населённого пункта... Предложено тесно блокировать город и путём обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбёжки с воздуха сровнять его с землёй. Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты... С нашей стороны нет заинтересованности в сохранении хотя бы части населения этого большого города» [1, с. 354].

Немецкие войска приступили к разрушению города артиллерийскими обстрелами и бомбёжками. Кроме того, особое внимание уделялось дисфункции человеческого организма путём его истощения: прекратился подвоз топлива, уничтожались склады продовольствия. Ленинградцы голодали, мёрзли, умирали.

С декабря 1941 г. смертность начала стремительно возрастать. Первой причиной, которая вызвала повальное вымирание ленинградцев, был голод, следующей – холод. Эти два ощущения человеческого организма следовали друг за другом «рука об руку», преднамеренно испытывая человека, доведённого до отчаяния, проникая в психологию с целью понять его природу, выявить силы добра и зла.

«Среди людей происходила поляризация. Либо поступать по чести, по совести, несмотря ни на что, либо выжить во что бы то ни стало, любыми способами, за счёт ближнего, родного, кого угодно. Подвергались тяжелейшему испытанию все человеческие чувства и качества – любовь, супружество, родственные связи, отцовство и материнство» [1, с. 468].

А. Адамович и Д. Гранин не представили в «Блокадной книге» случаи, когда ленинградцы плакали от горя, акцент был сделан на сознание, которое заливалось горем и отключалось. Управление полностью брал на себя голодный организм со своими рефлексам. Настроение духовного и физического упадка с максимальной точностью передали авторы «Блокадной книги».

Тяжела и невыносима история про мать, которая отказалась от своего сына только потому, что он потерял карточки на хлеб. Спустя несколько лет, понимая, что сын умер по её вине, женщина покончила с собой.

А вот, как описывает свой блокадный быт школьница Валя. Откровения ребёнка приводят взрослого человека в недоумение от того, до какой степени искалечилась детская психика в борьбе за выживание.

«Потом мы уже придумали способ: решили убивать кошек... А. П. одну убил, я содрала шкурку, выпотрошила её и разрезала на куски... Я тоже решила попробовать вкус кошачьего мяса, поджарила с перцем и чесноком, а потом стала жевать... и что же, мясо оказалось довольно вкусным, что, пожалуй, не уступит и мясу говяжьему, а вкус – будто ешь курицу» [1, с. 470].

«Говорят, что счастье не всегда сопутствует человеку. Да, отчасти это верно, но сегодня для меня день счастья! А почему? Рада смерти моего отчима Куклина. Я так ждала этой минуты! Я его страшно ненавидела. Бабушка пришла и сказала: «Он умер!» А я сперва не поверила, потом моё лицо исказилось в ужасной улыбке. О! Если бы кто видел выражение моего лица в эту минуту, то сказал бы, что я умею жестоко ненавидеть. Он умер, а я смеялась. Я готова была прыгать от счастья, но силы у меня были слабы» [1, с. 471].

«Декабрь и январь – месяцы астрономической смертности: люди мрут возле дома, на улице, на работе, вспоминает одна из блокадниц. ... Закрыты парикмахерские, закрыты кинотеатры, Театр комедии, Ленинского комсомола. Музкомедия работала сначала периодически, вскоре прекратила свое существование. Город замер» [1, с. 452].

Город стал вымирать. Оставшиеся в живых уже не имели ни сил, ни возможности хоронить своих покойников. А. Адамович и Д. Гранин приводят массу душераздирающих воспоминаний блокадников о том, как происходил процесс похорон в Ленинграде во время Великой Отечественной войны. Сейчас каждый знает, что при обряде погребения человека соблюдаются церковные и светские каноны, в завершении устраивается прощальный ужин, во время которого люди вспоминают, каким покойник был при жизни. В памяти Галины Григорьевны процесс погребения воспринимается иначе:

«Он умер, но завтрак был доведён до конца. Наступило уже какое-то торможение, не было места для таких эмоций, которые естественны для нормального человека и для нормального состояния... За рытьё могилы и похороны просили килограмм хлеба и 300 рублей деньгами... Вот поэтому так и свозили – в простыне, на саночках и куда-то в угол. В связи с этим обязательство управхоза (это, видимо, по распоряжению милиции – управхозами милиция, наверно, ведала): “Обязуюсь трупы умерших безродных граждан не вывозить на кладбище без гроба”. Потому что часто трупы находили во дворах, на чердаках, на лестницах... Это всё середина января» [1, с. 451].

Если в декабре трупы еще как-то транспортировались на кладбища, то в январе человеческое истощение достигло такого уровня, что покойников стали подкидывать к больницам, поликлиникам, выбрасывать на лестницы, во дворы. Предприятия и организации тайком грузовиками вывозили трупы на близлежащие к кладбищам улицы.

В данном случае, нельзя не согласиться с А. Горбачёвым, который говорит, что «война нередко ставит человека в пограничную ситуацию (борьба, страдание, гибель), в ситуацию нравственного выбора (в предельно жестоком варианте – выживание или совесть), когда, согласно философии экзистенциализма, человек актуализирует свою человеческую сущность» [3, с. 48].

Можно приводить бесконечное количество сведений блокадников, которые являются живыми доказательствами зверских преступлений фашистов в отношении Ленинграда и его жителей. Морально-политическое единство защитников города, их высокий нравственный облик и товарищеская взаимопомощь помогли им выстоять в смертельной схватке с врагом. А. Адамович и Д. Гранин акцентируют внимание на взаимопомощи и взаимопонимании людей. Родные и близкие делились друг с другом своим мизерным кусочком хлеба, дети, получавшие в школе суп без вырезки талонов из продовольственной карточки, старались принести его своим родственникам. В незабываемые январские дни, когда все взрослое население города голодало, в школах, театрах, концертных залах для детей были организованы новогодние елки с подарками и сытным обедом. Для маленьких ленинградцев это было настоящим большим праздником. Вот как вспоминает это мероприятие одна из жительниц Ленинграда, в далёком 1942 г. – школьница первого класса:

«Вот одиннадцатого января дали билет на ёлку... И вот как сейчас помню, тощие мы все какие-то, маленькие, заморенные дети, и такой же фокусник-мужчина... Он пытался показывать какие-то фокусы... И такие безразличные сидят ребяташки... Ну, дали обед. Он показался роскошным по тем временам. Не помню, что там было: яблоко, печенье, какая-то конфета. Я запихала этот подарок в мешочек – и под пальто» [1, с. 503].

Население Ленинграда до последнего вздоха стояло насмерть в защите города. Люди находили в себе такую силу, которая могла преодолеть самые страшные испытания. Защита Отечества была для них гражданским, национальным и социальным долгом.

Наряду с ужасающими картинами ленинградского быта А. Адамович и Д. Гранин запечатлели истории блокадного счастья. Много мук, страданий и горя перенесли советские люди за время войны, но их

дух оставался непреклонным. Одной из главных задач властей Ленинграда весной 1942 г. стало наведение санитарного порядка в городе, не убравшемся в течение всей зимы. В марте состоялись первые мероприятия по уборке Ленинграда. К середине апреля работа по наведению чистоты была закончена, после чего по улицам города снова пошли пассажирские трамваи.

«И так, со звонками, пробегают мимо сверкающие чистотой стекол трамваи. И сколько человеческих жизней спас трамвай. Трамвай спас жизни!» [1, с. 512].

Резкая перемена, наступившая в жизни блокадного Ленинграда весной 1942 г., чувствовалась во всем: в многолюдии улиц, внешнем облике ленинградцев, в их скупых улыбках, от которых они отвыкли в дни голодной зимы. На смену глубокому пессимизму от суровой зимы приходит «ликование, умиление, жажда видеть, находить только хорошее». А. Адамович и Д. Гранин в «Блокадной книге» приводят случаи возобновления занятий в школах, университетах, представили сведения блокадников о возрождении концертно-театральной жизни.

«В кассах кинотеатров и театров, в Музыкальной комедии – очереди... В саду Дворца пионеров концерты джаза Клавдии Шульженко и Владимира Коралли... Открывается сад отдыха. Даёт концерты филармония... Продукты выдаются в срок и без очередей. А на углах чистильщики сапог. Парикмахерские полны дам на маникюр и горячую завивку – со своим керосином» [1, с. 513].

Все блокадные дни работало ленинградское радио, которое было для ленинградцев не только живительным родником информации, но и просто символом продолжающейся жизни. Следующим фактом, который А. Адамович и Д. Гранин в своей книге не представили, стало крупнейшее событие музыкальной жизни Ленинграда 1942 г. Военная история предоставляет информацию об «исполнении симфоническим оркестром под управлением Карла Элиасберга Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича, законченной композитором в блокадном Ленинграде и получившей название “Ленинградской”. Мысль исполнить Седьмую симфонию Шостаковича возникла еще в марте 1942 г. у музыкантов симфонического оркестра Радиокomiteта. Партитура симфонии была доставлена из Москвы самолетом, начались репетиции. Недостающие в оркестре музыканты были откомандированы с фронта. 9 августа состоялась ленинградская премьера Седьмой симфонии, которая прозвучала в осажденном городе не только как вызов врагу, но и как провозвестник победы» [2].

Принятые меры по ликвидации последствий голодной зимы позволили восстановить нормальную жизнь в городе, наладить выпуск боеприпасов и вооружения, укрепить оборону города, подготовить защитников Ленинграда для дальнейшей борьбы с врагом.

Сломить стойкость и волю защитников города к сопротивлению, победить их голодной смертью немецко-фашистским захватчикам так и не удалось. Верные своему долгу, ленинградцы отдавали последние силы делу обороны города Ленинграда. С непоколебимой верой они доказали, что все выдержат и победят. Характер советского народа оказался закалённым, что помогло ему преодолеть тщательный и изощрённый план покорения города-героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамович, А. Гранин, Д. Блокадная книга / А. Адамович, Д. Гранин. – М.: Советский писатель, 1991. – 717 с.
2. «Военная литература» Военная история [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://militera-lib.ru/h/leningrad/05.html>. – Дата доступа: 28.03.12.
3. Горбачёв, А. Тема Великой Отечественной войны в советской «военной прозе» / А. Горбачёв // Русский язык и литература 7/2009 / под ред. Г.И. Николаенко. – Мн.: Адукацыя і выхаванне, 2009. – С. 40 – 49.